

«Тексты культуры оперируют семантическими единицами, исторически прошедшими через многие контексты и сохраняющими способность генерировать, даже будучи включенными в контексты другой эпохи. Единицы текста в этом случае приобретают характер символов...» (Логман, с. 15). Эта традиция находит свое воплощение в концепции праздничной культуры М. Бахтина, на которую мы также опираемся при анализе государственного социалистического праздника.

Во-вторых, мы рассматриваем государственный праздник как социальный институт. Данный подход разработан исследователями политической культуры, которые используют методы и приемы культурной антропологии для анализа политических систем и их изменений (Ebelman, Dittmer). Праздничное действие рассматривается как политический ритуал.

В-третьих, изменения политической системы исследуются в контексте модели политического процесса, оперирующей такими понятиями, как «структура политических возможностей», «политический цикл», «цикл прогресса» и пр. (Tilly, Tarrow).

Праздник — это социальный институт, зародившийся еще в каменном веке, сопровождающийся ритуалом, церемониями и другими символическими действиями, носящими квазимагический характер (Тэрнер, 1983). Празднование не является произвольной деятельностью. Оно происходит в четко определенных ритуализированных формах. Для учреждения праздников требуются определенные ценности группы.

Будучи текстом культуры*, праздник в форме системы вербальных и невербальных символов обращен к событию, некогда бывшему всегда имеет существенное отношение к времени. В основе его всегда лежит определенная и конкретная концепция природного (космического), биологического и исторического времени. При этом празднование на всех

* По определению Т. Дридзе, «текст как сложный знак и целостная единица общения — это некоторая система смысловых элементов, функционально объединенных в единую замкнутую иерархическую коммуникативно-познательную структуру, объединенную общей концепцией и замыслом субъектом общения» (Дридзе Т., С. 71).

«Символ — знак, который обозначает такую обширную группу текстов (понятий), что употребление его включает некоторый культурно-смысловой регистр, большую культурно-смысловую область. Одновременно символ имеет более узкое вещественное значение». «...Символ выступает как сигнал общей культурной памяти» (Барсукова, С. 85).

Е. ЗДРАВОМЫСЛОВА, А. ТЕМКИНА

ОКТЯБРЬСКИЕ ДЕМОНСТРАЦИИ В РОССИИ: ОТ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАЗДНИКА К АКЦИИ ПРОТЕСТА

Октябрьские (7 ноября) демонстрации, как элемент главного государственного праздника в России в период 1917 — конца 80-х годов, являлись важным символом политической культуры советского общества. В контексте политических и социальных преобразований в России во второй половине 80-х годов изменялось празднование главного государственного праздника, а значит, происходила и трансформация демонстрации как его главного элемента: от институционального — к инициативному коллективному действию, к акции протеста. Сравнение октябрьских празднований, в т. ч. демонстраций, до, во время и после перестройки позволяет на конкретном материале проследить характер политических изменений в обществе.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ОФИЦИАЛЬНОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ

Октябрьская демонстрация рассматривается нами как один из элементов ритуала государственного праздника. Для анализа самой демонстрации и ее трансформации мы используем несколько подходов.

Во-первых, опираясь на традиции московско-тартусской семиотической школы, мы анализируем праздник как семиотическую систему или текст культуры, в котором закодирована информация об этой культуре.

* Исследования частично финансировались грантом Центрально-Европейского Университета (Прага).

Событие

этапа своего исторического развития были связаны с кризисными, переломными моментами в жизни природы, общества, человека. Моменты смерти и возрождения, смены и обновления всегда были ведущими в праздничном мироощущении" (Бахтин, С.13-14).

Польский культуролог К. Жигульский выделяет следующие функции праздника: 1) ритмизация социального времени (разделение его на праздники и будни); 2) идеологическая регуляция жизни общества; 3) культу ротворческая функция. Сообщество и соответствующая ему коллективная идентичность формируются и укрепляются благодаря совместному празднованию (Жигульский, С.68).

Чтобы какое-то событие приобрело характер праздника, по словам М. Бахтина, к нему "должно присоединиться что-то из иной сферы бытия, из сферы духовно-идеологической. Они должны получить санкцию... из мира высших целей человеческого существования, то есть из мира идеалов. Без этого нет и не может быть никакой праздничности" (М. Бахтин, С.4).

Благодаря идейной подоплеке, обретение праздника, как и утра его, означает, что в обществе происходят серьезные изменения.

Ценность праздника как поведенческой модели часто перживает ценность того события, которое стало его первопричиной. Таким образом, культурная функция каждого конкретного праздника выполняется гораздо дольше, чем идеологическая. Отмена праздника (так же, как и утрата желания праздновать) означает разрушение верований и ценностей, которые когда-то были важны для общества.

Государственный праздник как семиотическая система имеет существенную специфику. Описывая феодально-государственные и церковные праздники средневековья, М. Бахтин писал: "Официальный праздник изменял подлинной природе человеческой праздничности, искажал ее". Государственные праздники, по его словам, "...освящали, санкционировали существующий строй и закрепляли его... Официальный праздник, в сущности, смотрел только назад, в прошлое, и этим прошлым освящал существующий в настоящем строй" (Бахтин, С.15). Практически все это справедливо и для государственных праздников периода социализма.

В качестве сложного политического символа государственный праздник является центральным элементом политической культуры. Это регулярно повторяемый ритуал, который символизирует власть, силу и значимость государства. С другой стороны, государственный праздник предполагает конформность и удовлетворенность граждан существующей властью. Он призван быть выражением политического мифа, разделяемого всеми членами общества. Государственный праздник явля-

ется формой патристической церемонии, референтом которой является политическая система празднующего сообщества.

Будучи политическим ритуалом, государственный праздник представляет собой повторяющийся регулярный тип поведения (Тэрнер, 1983). Он относительно устойчив и в этом смысле может быть назван консервативным. Поэтому изменения церемонии празднования отражают лишь значимые политические трансформации режима.

Идеологическая функция (значение) государственного праздника доминирует над его другими смыслами. Празднование официальных дат предполагает выражение символов государственной идеи, демонстрацию военной мощи державы и поощрение граждан, отличившихся на государственной службе. В самой церемонии празднования выражается иерархия политической элиты и социальная структура общества. Государственный праздник способствует созданию и поддержанию солидарности и консенсуса государства и общества, народа и власти. В экспрессивной форме такой праздник демонстрирует социальную целостность, стабильность и единение народа и властей.

Вопрос о соотношении праздника с социальными изменениями достаточно сложен. Праздничное поведение, как всякий ритуал, чрезвычайно консервативно. Однако история показывает, что при изменении социального строя почти всегда появляются новые государственные праздники и вытесняются старые. Кроме того, во время кризисных периодов существования режима государственные праздники используются как контекст выражения протеста, и, таким образом, события, происходящие во время празднования, могут выражать социальную напряженность (Tilly, 1983).

Ослабление значимости ценностей, которые были некогда основой для учреждения государственного праздника, уменьшает и потребность в праздновании, которую государство пытается заменить в этом случае материальными стимулами или силовым воздействием. Если, как это бывало в результате революций, происходит институционализация новых ценностей и верований, появляется необходимость в установлении нового праздничного календаря. Процесс вытеснения старых праздников и провозглашения новых может быть сжат во времени (как это было в период французской революции) или более постепенным (как это происходит сейчас в России). Празднование отмененного государственного праздника становится символической формой протеста.

Постепенность процесса отмирания государственного праздника связана с культурным значением этой модели поведения. Всякий праздник, независимо от его идеологии, формирует социальный ритм сообщества,

укрепляет это коллективную идентичность и является предпочитаемой формой досуга, связанной с национальными традициями.

Демонстрация или праздничное шествие является значимой частью государственного праздника во многих культурах. Она представляет собой некий ритуализированный политический спектакль. Ритуал рассматривается в культурной антропологии как "предписанное формальное поведение в случаях... имеющихся отношении к верованиям в мистические существа и силы", "культурный код, который должен рассматриваться в конкретных исторических условиях" (Тэрнер, С.16). Все эти характеристики распространяются и на политический ритуал, а значит, и на демонстрацию (Edelman, 1964).

В данной статье демонстрация рассматривается как центральный элемент праздничного действия. Используя культурно-антропологический подход к политическому символическому действию (Edelman, M. 1964, Champagne, P. 1990), мы анализируем риторику (идеологию), организацию и эстетику Октябрьских демонстраций в России.

Коренные политические преобразования находят отклик в изменении ритуала, т.е. риторики, организации, и эстетики празднования государственной даты. Если при этом сам праздник не отменяется, то можно констатировать сохранение режима, который лишь переживает цикл реформ.

Представляется, что для описания изменений патристической церемонии государственного праздника может быть полезна теория *политического процесса*. Согласно этой модели политические изменения носят циклический характер. Политический цикл представляет собой период массовой политизации населения, совпадающий, как правило, с циклом реформ и циклом протеста. "Цикл протеста возникает там, где появляются политические возможности" проявления недовольства и требования для нескольких групп в одно и то же время при условии формирующейся солидарности в этих группах" (Taggaw, 1988-b, P.45). Циклы протеста не чистое явление на общем фоне исторического развития, они

* Структура политических возможностей (для активности) в общем виде может быть описана как степень восприимчивости политического режима к требованиям и инициативам общественных движений. Согласно американскому политологу С.Тэрроу, главными показателями структуры политических возможностей являются: степень открытости политической системы, степень стабильности расстановки политических сил, наличие/отсутствие групп поддержки союзников; раскол в элитах и ее терпимость по отношению к протесту; способность властей претворять в жизнь свои решения (Taggaw, 1988-a, P.429).

непредсказуемы по своей длительности и интенсивности. Волны мобилизации вовлекают в протест субъектов и социальные группы, которые не являются активными в периоды стабильности. Формы активности и формы проявления недовольства во время цикла протеста различно отличаются от тех, которые доминируют в период стабильности. Цикл протеста генерирует новые идеологии и новые формы борьбы.

Ход всякого политического цикла может быть прослежен через судьбу центральных символов режима. Таким образом, история политического цикла предстает как история изменения символических кодов, центральным из которых является государственный праздник с атрибутивным ему ритуалом массовой демонстрации.

Мы считаем возможным определить перестройку как политический цикл, включающий цикл протеста и цикл реформ (Temkina, A., 1992; Zdravomyslova, E., 1992). Нашей задачей является исследование изменений в ритуале Октябрьской демонстрации как выражения новых политических возможностей, возникших в период перестройки (1985 — 1991). Прежде чем изучать изменения ритуала в ходе политического цикла, необходимо обратиться к церемонии ритуала, исполняемого в течение более семи десятилетий.

ОКТЯБРЬСКИЕ ДЕМОНСТРАЦИИ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Годовщина Октябрьской революции была главным государственным праздником в СССР с 1918 по 1990 год, учрежденным первой Советской Конституцией одновременно с праздником Первого мая — международным Днем солидарности трудящихся. Два ежегодные демонстрации — 1 мая и 7 ноября были частью соответствующих государственных праздников. Они представляли собой институциональные массовые шествия, которые символизировали основные ценности государственной идеологии, отображали реальную социальную иерархию советского общества, имели ригидную организацию и строгую регламентацию.

Функции официальной Октябрьской демонстрации — идеологическая, культурная и эмоциональная — тождественны функциям любого государственного праздника.

Основная функция — *идеологическая*. 7 ноября сж.стодно разыгрывался политический спектакль. Этот ритуал может быть интерпретирован как культурный текст, в котором закодирована идеология режима и содержится информация о социальной структуре советского общества.

Вторая функция праздника — *культурная*. В этом значении официальная демонстрация — это конденсированная память о длительной

События

культурной традиции праздничных процессий в православной монархической России. В царской России, как известно, главные религиозные праздники сопровождалась процессиями — крестными ходами. Дни тезоименитства членов императорской фамилии, а также праздники святых, покровительствовавших дому Романовых, также сопровождалась процессиями крестными ходами по маршруту, связывающему секуляризованными крестными ходами процессии двигались от Александра Невского религиозная процессия двигалась от Александра Невского лавры к Казанскому собору, где хранилась икона Владимирской Божьей Матери, покровительницы Дома Романовых.

Октябрьские демонстрации относятся к той же традиции "идеологических" процессий. Именно поэтому в них партийные идеологи играли роль, сопоставимую с ролью духовенства в религиозных и государственных праздниках монархии. Именно поэтому так важен был конечный пункт демонстрации и сцена кульминации политической спектакля — Дворцовая площадь.

Реализация культурной функции демонстрации, соответствующей функциям народного праздника, была затруднена официальной патристической церемонией. Однако, по словам М. Бахтина, в государственных праздниках всегда "подлинная праздничность была неисчерпаемой, и поэтому приходилось терпеть ее и даже частично легализовать ее вне официальной стороны праздника, уступать ей народную площадь" (М. Бахтин, 4-15).

Социалистическая система воплотилась в риторике, организации и эстетике официальных праздничных шествий.

Риторика. Демонстрация как элемент политического праздника годовщины Октябрьской революции являлась чувственным идеоматериалом — доминирующей ценностью государственной идеологии. В рамках идеологии — доминирующей ценностью государственной идеологии — как исторического материализма подчеркивалась роль демонстрации как нового социалистического обряда, участие в котором выражалось как держку политике Коммунистической партии; она представлялась как способ коммунистического воспитания трудящихся, создающий благоприятные условия для их активности и эмоционального единства. Участие в политическом празднике было моральным долгом советского гражданина и одновременно воспринималось как несотъемлемая часть праздничного поведения.

Со временем идеологические ценности, лежащие в основании праздника 7 ноября, постепенно отходили на задний план. В последние десятилетия

для большинства горожан они не имели мобилизующей силы. Октябрьская демонстрация превратилась в имитацию солидарности и единства народа с политикой государства.

Идеология праздника выражалась в призывах ЦК КПСС, которые публиковались за две недели до торжественной даты. Список призывов являлся политическим документом, структура и риторика которого не были случайны. Семантический анализ показывает, что количество, структура и содержание призывов были жестко определены, во-первых, иерархией ценностей режима и, во-вторых, политическим приоритетными моментами.

Так, например, призывы 1947 года отличались от призывов 1957 или 1987 года, не говоря уже о лозунгах периода перестройки. Показательными для сравнения могут быть период безусловного принятия социалистической идеологии после войны и период ее распада. Поэтому предметом семантического анализа стали призывы к празднованию 30-й годовщины Октябрьской революции в 1947 году и лозунги к празднованию годовщины Октября в 1990 году.

Список 1947 года содержал 48 призывов. Для такого документа исключительно важны по содержанию первый и последний текст. Первые призывы в списке, как правило, диктуются политической конъюнктурой и наиболее подвержены изменениям. Последние — как ритуальные — клинания, утврждают основные ценности режима. В 1947 году актуальными политическими лозунгами в начале списка диктовались окончанием Второй мировой и началом холодной войны, подготовкой подписания Варшавского договора и организацией социалистического лагеря. В конце списка были тексты, провозглашающие "мощь, мудрость и величие" Ленина, Сталина и Коммунистической партии, например: "Да здравствует великая Большевицкая партия, партия Ленина-Сталина, авангард закаленного в борьбе советского народа, вдохновитель и организатор наших побед! Под знаменем Ленина, под руководством Сталина вперед к победам коммунизма!"

За вводными призывами шли четыре заставки в честь Советской Армии, одна из них — в честь пограничников. Милитаристский дух коммунизма зафиксирован в этой иерархии: армия в то время считалась самой важной из социальных групп.

Следующая группа лозунгов была организована по классовому принципу. В начале шли призывы к рабочему классу, затем — к колхозному крестьянству, последние — к интеллигенции. Максимальное число при-

События

зывают — семнадцать — адресовано рабочему классу. Внутри этого блока призывы были организованы по отраслевому принципу (перечень отраслей был очень подробным и порядком обращений соответствовал предполагаемой роли отрасли в структуре производства: за угольной промышленности — химическая, затем — строительство электростанций, строительная, ...легкая и проч.). После лозунгов, обращенных к рабочим, работникам, инженерам и техникам промышленности, шло приветствие колхозникам и колхозному крестьянству. Далее — приветствия работникам сектора обслуживания и вслед за ними, в соответствии с положением на нижних ступенях социальной иерархии, шли лозунги, адресованные интеллигенции — «работникам советской науки и культуры».

Второй принцип организации списка призывов — социально-демографический — отражал «идеологический рейтинг» разных социальных групп. Первыми были лозунги, адресованные женщинам; затем шла молодежь, после — выделенные как социальная группа — школьники.

В течение всей истории Октябрьских манифестаций в СССР вплоть до конца 1980-х годов принципы организации списка призывов и их содержание оставались прежними.

Организация государственного праздника обслуживала потребности монополистической идеологии. Была создана индустрия массовых зрелищ, с которой могли сравниться празднования времён Третьего Рейха в фашистской Германии. Организация официальных демонстраций была жесткой и не предполагала никаких инициатив. Это был политический спектакль, где импровизация была недопустима, а все роли четко расписаны.

Не существовало никакой правовой регламентации проведения демонстраций, т.к. они представляли собой не инициативное действие, а были частью государственного праздника, с одной стороны, и традицией, с другой.

Праздничное шествие трудящихся было одной из трех массовых процессов, назначенных на тот день. В течение многих лет манифестация трудящихся проходила после военного парада и перед парадом физкультурников. Эта последовательность процессов на центральной площади города сама по себе была символической.

Военный парад символизировал мощь и всемогущество социалистического государства и «его славных вооруженных сил». Манифестация трудящихся, выходящая на площадь перед Зимним Дворцом после этой устрашающей «мировой империализм» демонстрации силы, была символом морального здоровья общества, лояльности к режиму. В конце

праздничного спектакля ряды спортсменов демонстрировали «физическое здоровье» народа страны победившего социализма.

Демонстрация трудящихся длилась около четырех часов. Число ее участников в Ленинграде варьировалось в разные годы, определяемое во многом степенью жесткости режима и степенью легитимности идеологии. В газетах рапортовалась цифра один млн. участников для 1947 года и сто шестьдесят тыс. в 1989 году. Жесткость организации демонстрации была изоморфна закрытости политического режима, жесткости регуляции всех аспектов жизни граждан, в т.ч. и их личной жизни*

Демонстрации были организованы партийным руководством по так называемому территориально-отраслевому принципу (как и все в советской стране)** . Не случайно они назывались праздничными манифестациями трудящихся. Именно трудящиеся, заключившие контракт с государством, «работники и работники», а не граждане страны или отдельные личности были субъектами, демонстрирующими свою политическую лояльность в этот день. Областной комитет партии направлял в районные комитеты специальные партийные документы — инструкции по организации демонстрации, имевшие силу юридического документа. Эти инструкции передавались в парткомы предприятий города. Инструкции включали указания, относящиеся к списку лозунгов, обязательных для украшения праздничных колонн, последовательности прохождения колонн по центральной площади (в соответствии с их местом в социалистическом соревновании), допустимые цвета праздничной символики*** . В соответствии с рекомендацией специалистов по психологии пропаганды, лозунги, которые несли демонстранты, должны были быть однострочными для облегчения восприятия.

Кроме партийного руководства, другие властные структуры — городская администрация, КГБ, армия, профсоюзы, милиция, комсомол, СМИ — выполняли свои четко очерченные обязанности в технологии

* В течение 10 лет после революции годовщина Октября действительно представляла собой подобие политического карнавала, в оформлении которого принимали участие художники-авангардисты, авторы концепции пролетарского искусства. Режиссура таких массовых зрелищ также была новаторской и действительно имела мобилизующий эффект. Наш анализ касается рутинного периода празднования, когда социалистический режим стабилизировался и входил в фазу стагнации.

** При праздничном оформлении Первого Мая было разрешено использовать не только красный, но и голубой, а иногда и зеленый цвета. В годовщину Октябрьской революции для декорации использовался исключительно революционно-красный цвет.

*** Информация об организации официальной демонстрации получена из интервью, проведенного с секретарем районного комитета партии авторами статьи.

